

Н.В. Гончарова

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА А.В. НИКИТЕНКО КАК «ЛЕТОПИСЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 20-012-00443.

Рассматривается процесс формирования личной библиотеки А.В. Никитенко как репрезентанта его деятельности в качестве профессора литературы, критика и цензора. Прослеживается связь дневника и библиотеки на конкретном примере внимания Никитенко к русским летописям. Делается вывод о восприятии им летописей как определенной модели коммуникации и как источников, в которых находятся культурно-исторические образы русского сознания. Доказано, что Никитенко использовал их в собственной идентификации.

Ключевые слова: личная библиотека; история русской литературы; дневник; летопись; А.В. Никитенко.

В современных исследованиях при изучении личных библиотек рассматривается роль круга чтения в процессе формирования нравственно-этических представлений человека. Говоря о библиотеке А.В. Никитенко, необходимо прежде всего определить ее место и значение в становлении мировоззрения университетского профессора, историка литературы, критика и цензора. В этом отношении она была репрезентантом его духовного и общественного воспитания, важной составляющей его жизнестроительства.

Личность Александра Васильевича Никитенко (1804–1877) была незаурядной для своего времени. Рожденный в крепостной зависимости, получивший начальные знания в Воронежском уездном училище, он мечтал получить университетское образование. Крепостной «самоучка» на пути к освобождению стал секретарем Острогжского отделения Библейского общества, а затем домашним учителем в семье декабриста Е.П. Оболенского. Получив свободу, он поступил в Санкт-Петербургский университет и навсегда связал свою жизнь с наукой и литературой. В своей многогранной деятельности на ниве литературы и просвещения Никитенко предстает в трех основных ролях – как литературный критик, как профессор по кафедре Русской словесности Санкт-Петербургского университета и как цензор, реализуя в них некое единство общего стремления способствовать развитию русской литературы.

Критик, профессор, цензор. Эти три роли не существовали сами по себе, в творческой деятельности Никитенко мы видим их активное взаимодействие. Невозможно представить цензорскую деятельность А.В. Никитенко без понимания общего хода литературы и ее отдельных направлений, без способности глубоко проникнуть в тайны творчества, мастерскую художника слова. Разносторонние знания по теории и истории словесности шлифовались, уточнялись в процессе преподавания в университете и Екатерининском институте. Литературно-критические воззрения Никитенко отразились в его статьях, речах, публикациях, в которых прослеживается установка на предельную авторскую объективность.

Несмотря на многогранную деятельность, в исследовательской литературе А.В. Никитенко воспринимается главным образом как автор своего дневника, который он вел всю жизнь [1]. Записи начинаются

с 1 января 1826 г. и продолжают на протяжении 50 лет (последняя запись датирована 20 июля 1877 г., за день до смерти). В дневнике Никитенко фиксировал мысли о ходе литературной истории, значимые события в жизни русского общества; этот документ был не только «хроникой» его духовного бытия и жизнеописанием, но и по общему признанию явился своеобразной «летописью» всей русской литературы 1820–1870-х гг.

Более ранний период своей жизни, до освобождения от крепостной зависимости, Никитенко описал в автобиографическом произведении «Моя повесть о самом себе», которое он сам готовил к публикации. Догадка о том, что название как-то связано с летописью подтверждается, если мы обратимся к их полному названию – «Моя повесть о самом себе и о том, “чему свидетель в жизни был”» [2]. Последнюю фразу Никитенко оставляет в кавычках как цитату, отсылая нас к пушкинским строчкам:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь...

[3. С. 67].

Это слова из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», где монах-летописец Пимен, передавая свой труд молодому иноку, наставляет его правдиво описывать историю. Почти точное совпадение фраз – не случайность. Опубликованные после смерти автора мемуары и дневник создавались Никитенко как своеобразная литературная летопись, максимально правдивая и документально верная. Как летописец у Пушкина раскрывал в своих записях государственные и духовные дела: «Войну и мир, / управу Государей, / угодников святые чудеса...», – так Никитенко в своем дневнике фиксировал и политические, общественно значимые события в России и мире, и явления умственной жизни в сфере науки, культуры и образования.

Библиотека явилась для Никитенко тем фундаментом, на котором выстраивалось освоение мировой эстетико-философской и научной мысли. Становление его профессиональных представлений происходило в условиях зарождения литературной критики, изменений цензурного режима, резкой смены политической позиции русского правительства. В обстановке угрозы потери своей идентичности важнейшим делом было самоопределение в вопросах исторического прошлого, современных общественных явлений и научных исканий. Самообразование через чтение

книг, собиравание своей библиотеки было его потребностью. Размышления о литературных событиях, характеристики авторов и книг зачастую подкрепляются их нахождением в библиотеке, а во многих случаях на них имеются пометы, надписи или автографы. Это позволяет предположить наличие связей дневника и личной библиотеки Никитенко, как связаны событие и источник. В некоторых случаях видится некоторое единство общего контекста, когда записи дополняют сведения об источнике фактическим материалом либо критическим отзывом, а затем порой интерпретируются в собственных литературоведческих текстах профессора.

После смерти А.В. Никитенко его библиотека была выставлена на продажу и отобрана в числе лучших книжных собраний устройтелем первого Сибирского университета в городе Томске В.М. Флоринским, который с 1875 г. целенаправленно формировал универсальный книжный фонд для будущего университета. Университетская библиотека, открытая в 1888 г., складывалась из многочисленных пожертвованных или купленных личных книжных собраний известных ученых, писателей и общественных деятелей – графа А.Г. Строганова, поэта В.А. Жуковского, министра П.А. Валуева и др. О библиотеке Никитенко Флоринский узнал из письма знакомого профессора-медика И.Т. Глебова, который советовал не упустить случай совершить для университета «драгоценное приобретение»: «это не то, что наши книги», «замечательная библиотека, составляемая им самим для себя» [4. С. 67].

Личная библиотека Никитенко составляет более 1,5 тыс. названий в 2,5 тыс. томах. При понятию преобладании книг по литературе и словесности, она содержит издания по самым разным отраслям знания, в основном гуманитарного профиля: по психологии и философии, экономике и юриспруденции, эстетике и педагогике. В библиотеке нашлось место и естественнонаучной литературе, и книгам по медицине. Соответствие состава библиотеки обширному кругу деятельности Никитенко позволяет с уверенностью говорить о репрезентативности его книжного собрания.

Обучение на философско-юридическом факультете Петербургского университета и преподавание в течение нескольких лет политэкономии отражено в библиотеке наличием основных исследований мировой науки по истории гражданского общества как в переводах на русский язык (сочинения Адама Смита, А. Фергюсона, Д.С. Милля, Ж.Б. Сея), так и в отечественных исследованиях А.П. Куницына, И. Вернадского, В. Безобразова и др.

Раздел библиотеки по книжному делу и цензуре содержит важные документы, раскрывающие цензурскую деятельность Никитенко, являющегося не только рядовым цензором-практиком (1833–1848 гг.), но официальным советником при министре народного просвещения А.С. Норове (1850-е гг.), членом Главного управления цензуры и Комитета по делам книгопечатания (1860-е гг.), но также глубоким теоретиком, ярко проявившим себя в законодательной работе. В библиотеке находится Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений (1842 г.), имею-

щий раздел о цензуре, а также особый экземпляр, который содержит множество рукописных вставок с примечаниями Никитенко. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре (1862 г.) включает все изменения в цензуре XVIII–XIX вв. Пометы и записи встречаются и в «Проекте устава о книгопечатании» 1862 г.

Законодательная деятельность Никитенко при министрах просвещения А.С. Норове и Е.П. Ковалевском проявилась во множестве проектов, записок, предложений и выступлений. Будучи выпускником университета, он составил Примечания к Цензурному уставу 1828 г., ставшие руководством для цензоров, и получил похвалу профессоров К.И. Арсеньева, А.И. Галича, барона Г.А. Розенкампа. Позже, в 1858–1859 гг. он вновь участвовал в подготовке изменений к цензурному уставу «сообразно с новыми потребностями». На протяжении многих лет, в том числе в «эпоху цензурного террора» (по выражению М.К. Лемке) Никитенко стремился сохранить тот уровень «благоразумной свободы мыслей», на который неоднократно совершались покушения в виде проектов изменений и дополнений цензурного устава.

Классический раздел библиотеки – античная и европейская поэзия – представлен лучшими переводами на русский язык, причем многие западные произведения в начале XIX в. переводились впервые. Издания греческих классиков Софокла, Анакреона, Аристофана, Гесиода, Гомера в переводах И.И. Мартынова, И.М. Муравьева-Апостола, А. Огинского, Н. Гнедича закладывали основы понимания мировых поэтических тенденций. Включенность Никитенко в общеевропейский литературный контекст обеспечивала штудирование произведений Гюго, Бомарше, Константа, Расина, Лафонтена, Гете, Шиллера, Рихтера, Шекспира, Байрона и многих других. Особенно дороги были для Никитенко немногие произведения на украинском языке А. Котляревского, Т. Шевченко, Е. Гребенки, Г. Данилевского, Н. Маркевича.

Русская художественная литература – основа библиотеки, этот раздел содержит более 500 томов различных произведений писателей XVIII и XIX вв. и еще около 200 книг по истории и теории литературы, отражающих огромное наследие русской и мировой словесной культуры. Ее изучению он посвятил всю свою творческую карьеру, а ее внутреннее строение, законы и тайны творчества он старался открывать своим ученикам.

В библиотеке Никитенко были собраны произведения как известных, состоявшихся русских классиков, так и подающих надежды молодых литераторов. Произведения писателей XVIII в. М. Ломоносова, Г. Державина, Я. Княжнина, Д. Фонвизина, А. Сумарокова, А. Кантемира представлены по большей части собраниями сочинений. Гордость библиотеки – первые и прижизненные издания сочинений писателей, составивших цвет русской литературы XIX в.: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, И.А. Крылова, В.Ф. Одоевского, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, со многими из них Никитенко так или иначе взаимодействовал по цензурным либо литературным делам. Следы таких взаи-

моотношений находятся на книгах в виде дарственных надписей от писателей, переводчиков, издателей книг, адресованных в одних случаях «любезному другу», в других – «земляку и сослуживцу», а порой просто цензору или уважаемому человеку. В исследовательской литературе описаны автографы, принадлежащие В.А. Жуковскому, Н.В. Гоголю, И.А. Гончарову, А.И. Галичу, другие еще не введены в научный оборот [5, 6].

Никитенко бережно обращался с книгами, делал совсем немного записей и помет на полях, предпочитая вести отдельные тетради для выписок и размышлений о прочитанном. В личном архиве Никитенко в ИРЛИ (Пушкинский Дом) сохранились некоторые из этих тетрадей: «Философский Архив или извлечения из разных писателей с моими замечаниями» (1826 г.), «Мои записки и замечания» (1832 г.), «Литературные и эстетические заметки и наблюдения» (1852 г.), «Заметки и выписки из книг» и др. [7]. Эти записи и размышления являются ценным материалом, помогающим увидеть, над чем размышлял Никитенко в разные периоды работы над своими критическими и литературоведческими текстами.

Следуя из идеи о репрезентативности данного книжного собрания, интересно проследить отношение Никитенко к древнему периоду русской литературы и представить летопись как некую коммуникативную модель, которую он сознательно использовал для определения себя как летописца.

Ключевым явлением в преподавании Никитенко стало создание новой периодизации русской литературы, ведущей свои истоки из летописных источников. В то время преподавание по большей части строилось на основе западных учений, и проблема заключалась в необходимости составить связное представление о ходе русской литературы. Никитенко был одним из первых, кто решал вопрос периодизации в историческом ключе, ему принадлежит большая заслуга в высокой оценке раннего самобытного этапа русской литературы и культуры, дотатарского периода. При этом профессор вырабатывал научный подход к этому периоду, «не забывая последующих достижений европеизирующейся литературы послепетровского времени», отмечал Ю.В. Манн [8. С. 322].

Открытие целого корпуса летописей в конце XVIII – начале XIX в. потребовало использования новых методов и подходов к их изучению и изданию. Разные списки летописных текстов были обнаружены в архивах, монастырях, библиотеках и других хранилищах, появлялись новые рукописи, они местами повторяли друг друга или были заимствованы из более ранних сводов. В условиях отсутствия фундаментальных трудов в этой области методы анализа формировались постепенно. От европейской науки были заимствованы приемы критики текста (разложение летописных сводов на отдельные элементы). Сравнительно-историческая методика, предложенная А.А. Шахматовым, будет сформирована гораздо позже, на рубеже XIX–XX вв.

В обществе литераторов также постепенно складывалось отношение к летописи как к основному источнику сведений по русской истории. Писатели и поэты

стремились изучать летописи, это давало большой материал о древней Руси, ее народностях, формировании национального характера, нравах и быте. Мимо такого ценного материала не прошел и Никитенко, в его библиотеке собраны документы, изданные Археологической комиссией, выпуски «Полного собрания русских летописей», публикация которых началась в 1841 г., труды Общества истории и древностей Российских, издания списков «Повести временных лет», акты исторические и юридические. Эти источники были для Никитенко той необходимой основой, на которой сформировалась его собственная исследовательская позиция. Изучая издания, опубликованные В.Н. Татищевым, М. Щербатовым, Н.И. Новиковым, он утверждал, что «произведение, переходящее свободно из уст в уста <...> несет с собою отдаленнейшим потомкам наследие основных вековечных стихий народного духа и быта», «запечатлевает в себе священную память о великих событиях, о великих людях отчизны» [9. С. 72–73].

Из нескольких сохранившихся и опубликованных списков «Повести временных лет» в библиотеке Никитенко оказались Лаврентьевский (1824), Ипатьевский (1871) и Софийский (1795), первые два представляют вторую и третью редакцию, т.е. наиболее приближенные к первоисточнику. Кроме того, в библиотеке находится «Царственной летописец» (1772) о периоде правления князя Владимира Мономаха, «Древний летописец» (1775) о княжении Дмитрия Донского, «Новый летописец» по списку князя Оболенского, представляющий период царствования Михаила Федоровича (1855), издание Супрасльской рукописи (1836) и др.

Изучение и публикация русских летописей в XVIII–XIX в. осуществлялись в русле общеевропейской текстологии, но с попытками адаптации к русской среде. К примеру, текст Лаврентьевской летописи [10] был подготовлен к изданию ученым-филологом Р.Ф. Тимковским, проходившим стажировку в Геттингенском университете, выходцем той же школы, что и знаменитый немецкий историк А.Л. Шлёцер. В изданиях средневековых сочинений этого времени был распространен так называемый эклектицизм, предполагающий издание некоего сводного текста, состоящего, по существу, из фрагментов «лучших чтений» разных списков. «Из этого делался вывод, что ни один дошедший до нас список не может содержать полностью исправный текст» [11. С. 4]. Однако, по словам К. Калайдовича, Тимковский руководствовался «другими правилами»: он «с точностью передавал чтение подлинника, объясняя и исправляя его от ошибок переписчика посредством вариантов» [10. С. IV]. В полемике вокруг методов публикации русских летописей вырабатывался научный подход к историческим источникам и понимание их значения для общественного развития.

Заинтересованность Никитенко в современных ему исследованиях по летописям обнаруживает наличие в его библиотеке трудов историков – А. Шлёцера, К.Н. Бестужева-Рюмина, П.Г. Буткова, М.И. Сухомлинова и др. Первым, кто занялся критической обработкой русских летописей, был А.Л. Шлёцер (1735–

1809), он описал и сравнил 12 различных списков летописи. В библиотеке Никитенко сохранился знаменитый труд Шлёцера «Нестор. Русские летописи», изданный в Петербурге в переводе Д. Языкова (Т. 1–3. 1809–1819), который долгое время пользовался особым уважением у всех занимавшихся русской историей. Обширные три тома «Нестора» имеют карандашные следы чтения. Вероятно, именно это произведение находилось в поле зрения Никитенко, когда он описывал в дневнике свою молодость и короткий период жизни среди малороссиян: «...в них больше, чем в северных славянах, сохранились коренные славянские свойства – любовь к природе и мирные нравы семейно-земледельческого быта. Они именно те поляне, которых так привлекательно описывает Нестор» [2. С. 31].

Русский историк, профессор Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) много сделал для разработки критических методов изучения летописей. Он ставил задачу «расшивки», разделения составных частей внутри летописных сводов, проводил текстологический анализ, определял места позднейших вставок и сделал полный обзор источников русской истории. В дневнике Никитенко упоминается знакомство с К.Н. Бестужевым-Рюминым в стенах Петербургского университета на стыке времени их деятельности – Никитенко оставил университет в 1864 г., а в 1865 г. Бестужев-Рюмин стал преподавать на кафедре русской истории. Никитенко одобрительно отзывался об исторических публикациях ученого. Несколько трудов историка из серии Народные книги 1864–1865 гг. находятся в библиотеке Никитенко, такие как «О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище», «О крещении Руси, о Владимире святом, о сыновьях его и о монастыре Печерском».

Петр Григорьевич Бутков (1775–1857), действительный член Академии наук, сенатор, собрал богатейший материал по русской истории и памятникам древности, который был опубликован Академией после его смерти. Дневник Никитенко содержит трогательную историю их знакомства и последующей дружбы до самой смерти Буткова. Особое внимание хочется обратить на труд Буткова «Оборона летописи Русской Несторовой от навета скептиков» (СПб., 1840), сохранившийся в библиотеке Никитенко с его карандашными пометами. Обширную рецензию на этот труд опубликовал В.Г. Белинский в журнале «Отечественные записки» (1840. Т. XI, № 8), где отметил, что он «составляет важнейшую ученую книгу из всех появившихся в нынешнем году на русском языке» [12. С. 300]. Белинский обозначил суть спора Буткова против скептической школы, отрицающей достоверность летописи Нестора и выражающей сомнения в том, что рукопись была составлена одним человеком. Справедливо отмечая недостаточность материалов для разрешения спора, автор приходит к выводу, который объясняет настоящее положение дел в изучении русского летописания середины XIX в.: «...у нас нет еще летописи (курсив автора), изданной так, чтоб любознательный археолог мог положиться на нее, как на список возможно вернейший. Все, что было издано до сих пор, сделано по отдельным спис-

кам и неполно; во всех изданных донныне списках встречаются разноречия». Возлагая надежды на Археографическую комиссию, которая «одна может дать нам летопись в настоящем ее виде, с вариантами, примечаниями, комментариями, снимками», Белинский выражает надежду на окончание споров о летописях [12. С. 301–302].

А.В. Никитенко не занимался специально летописями как историк, он сосредоточил свой интерес на способах изображения исторических личностей в литературе. Внимательно изучая доступные в то время источники, он интересовался образом летописца Нестора, его образованием, жизнью в монастыре и средствами собирания материалов для летописи.

Упоминания летописца Нестора встречаются в университетских лекциях Никитенко. Самая первая из них, вступительная лекция «О происхождении и духе литературы», призывает прислушаться «к языку в устах простого народа, который еще носит в сердце своем чистые капли крови славянина и варяга» [13. С. 13]. А.В. Никитенко актуализирует собирательный образ летописца: «...возникает пред нами из мрака веков, в лице старца-отшельника, целый сонм сих достопочтенных мужей от Нестора до Авраама Палицына, которые в тишине мирных обитателей благоговейно и смиренномудренно блюли священную скинию отечества» [13. С. 13]. В своем программном труде, предлагая новую периодизацию русской литературы, Никитенко сформулировал задачу первого, древнего периода таким образом: «...рассмотрев памятники слова, какие время, пожары и меч не успели истребить, извлечь из них черты, характеризующие начало самобытного настроения нашей мысли. Летописи и Слово о полку Игоря послужат важнейшими для этого источниками» [9. С. 148].

А.В. Никитенко вырабатывал свою концепцию понимания истории русской литературы, тесно связанной с историей русского народа. Его исследовательская позиция проявляется через записи в дневнике по поводу изображения важнейших исторических личностей и эпох. Для понимания позиции человека и гражданина в исторической ретроспективе приведем запись Никитенко о том, как разные историки в своих произведениях создавали образ личности Иоанна IV (Грозного): «Карамзин представляет его каким-то романтическим тираном; Полевой видит в нем великого человека, “могучее орудие” в руках Провидения; Погодин же считает его просто человеком ограниченным» [1. С. 136]. Обобщив позиции других авторов, Никитенко предлагает свое собственное представление: «Иоанн – человек, рожденный с сильной, энергической душой, испорченный дурным воспитанием, развращенный возможностью все делать по своей воле, не находящий преград ей ни в законе, ни в общественном мнении» [1. С. 137]. Эта запись в дневнике от 15 февраля 1834 г. обнаруживает метод чтения исторических произведений, в процессе которого впечатление переходит в обобщение и завершается проявлением личного самосознания. Не пытаюсь оправдать Иоанна эпохой, Никитенко видел в нем лицо человеческое, при этом предъявляя высокие гражданские требования.

Данные размышления основывались на пристальном изучении источников. В библиотеке находится знаменитая «Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича» – публикация рукописи XVI в., осуществленная историком М.М. Щербатовым в 1769 г. Это часть Лицевого летописного свода Ивана Грозного, свод событий мировой и русской истории. В оригинале рукопись богато иллюстрирована, но в издании представлена лишь одна гравированная иллюстрация «Восшествие на престол царя Иоанна Васильевича». В предисловии к книге издатель призывает потомков учиться проходить великие испытания «через познание бывших дел». По его словам, изучая историю, люди могут «подражая великим примерам и убегая от вредных поступков, мудрость знатных мужей неким образом себе присвоить» [14. С. 3]. В книге есть карандашные пометы Никитенко, подчеркивания и его характерное «NB» на полях страниц.

В библиотеке также находится издание «Судебника» и некоторых указов царя Иоанна Грозного в публикации В.Н. Татищева (1786). В дневнике Никитенко оставил запись о посещении Сийского монастыря Архангельской губернии, где видел подлинный «Судебник» Иоанна Грозного, древние грамоты и другие тексты, принадлежащие «к первым эпохам славянского языка» [1. С. 152]. Никитенко не случайно обратил внимание на «Судебник», этот исторический источник имел большое значение для понимания природы крепостного права на Руси. На его основании доказывалось, что до Бориса Годунова в русском обществе рабства не было, и этот факт неоднократно вызывал дискуссии в Комиссии по крестьянскому вопросу [15. С. 11–12]. Никитенко, испытавший на себе тяжесть крепостного права, предельно внимательно относился к подобным источникам.

В целом отношение Никитенко к историческим документам обусловлено желанием найти в них не столько факты прошлого, сколько словесные выражения идей и духовной жизни русского человека. Достижения исторической науки он стремился сверять с ходом литературного процесса, выявлять «дух времени» и в текущих исторических событиях, и в размыш-

лениях о прошлом. «Следуя за народом по путям его истории, мы с жадностью ищем следов его слова, чтобы по ним изучать направление, характер его ума, чувства и воли», – говорит он [9. С. 7]. К источникам по истории литературы Никитенко причислял не только летописи и «исторические предания», но и «простые излияния мысли и чувства» – песни, сказки и прочие произведения «литературы общенародной» [9. С. 73].

Широкая общественно-литературная, научная и служебная деятельность Никитенко была несправедливо оценена в дореволюционный и советский периоды изучения истории литературы как посредственная и малопримечательная: «поверхностный литератор», «заурядный профессор», «взыскательный цензор», который имел значение только как «автор интереснейшего дневника» [1. С. V]. С этих позиций его научное творчество оценивали как деятели конца XIX в., такие как М.Е. Чешихин-Ветринский [16], так и советские и постсоветские исследователи [17].

Только в последние десятилетия эта тенденция меняется. Используя материалы, хранящиеся в архивах РО ИРЛИ РАН, изучая историю преподавания словесности на кафедре, исследователи высоко оценили заслугу профессора Никитенко в определении «научно-педагогического облика кафедры русской словесности на многие годы вперед» [18. С. 21]. В сфере истории и теории литературы ученые уверенно признают Никитенко «одним из предшественников академич<еской> школы» [19. С. 274–275].

Изучая летописи и впервые используя их в своих курсах преподавания русской литературы, профессор не создал обобщающего труда и не испытал жанрового влияния этого явления. Очевидно, его интересовала летопись как исторический источник и как определенная модель коммуникации. Находя в летописях культурно-исторические образы русского сознания, он использовал их в собственной идентификации. Сегодня очевидна необходимость создания многоаспектного междисциплинарного подхода к изучению разрозненных материалов книжного собрания, архива и творческого наследия Никитенко в свете его осмысленного собиранья своей библиотеки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитенко А.В. Дневник: в трех томах. Л., 1955. Т. 1. 542 с.
2. Никитенко А.В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был» // Кившенко Н.Д. Дневник сельской учительницы / редкол.: О.Г. Ласунский и др. Воронеж, 2017. 288 с.
3. Пушкин А.С. Сочинения А.С. Пушкина. Т. 2 / под ред. П.А. Ефремова. СПб., 1880. 448 с.
4. Ястребов Е.В. Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск, 1995. 219 с.
5. Колосова Г.И. Автографы И.А. Гончарова в библиотеке А.В. Никитенко // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 43–49.
6. Колосова Г.И. А.В. Никитенко и Н.В. Гоголь (По материалам библиотеки А. В. Никитенко, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета) // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 2. С. 90–107.
7. ИРЛИ (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Фонд А.В. Никитенко № 18105, 18140, 18323, 18227.
8. Манн Ю.В. Историческое направление литературоведческой мысли (1830–1840 годы) // Возникновение русской науки о литературе / редкол. Н.Ф. Бельчиков, А.Л. Гришунин. М.: Наука, 1975. С. 298–332.
9. Никитенко А.В. Опыт истории русской литературы. Кн. I: Введение. СПб., 1845. 152 с.
10. Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия. Издание профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. М.: Университет. типогр., 1824. VIII, 106 с.
11. Вовина-Лебедева В.Г. Издание и исследование русских летописей в первой половине XIX в. на фоне европейского опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Вып. 4. С. 3–12.
12. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / АН СССР. Т. IV: Статьи и рецензии 1840–1841. М., 1954. 673 с.
13. Никитенко А.В. «О происхождении и духе литературы». Вступительная лекция. СПб., 1833. 52 с.
14. Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761: Напечатан с писменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769. 348 с.

15. Макогоненко Г.П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век. Сборник 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л., 1981. 290 с.
16. Чешихин-Ветринский М.Е. Два русских общественных типа // Новое слово. СПб., 1894. № 7–8. С. 189–190.
17. Краснов Г.В. при участии Щемелёвой Л.М. Никитенко Александр Васильевич // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Т. 4: М–П / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. С. 298.
18. Карпов А.А. Кафедра истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета: эпохи и имена (1819–1919) // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 7–9 октября 2010 г. СПб, 2011. С. 11–41.
19. Манн Ю.В. Никитенко // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5: МУРАРИ – ПРИПЕВ / гл. ред. А.А. Сурков. М., 1968. 976 стб.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 декабря 2020 г.

Aleksandr Nikitenko's Private Library as a “Chronicle of Russian Literature”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 25–31.

DOI: 10.17223/15617793/463/3

Nataliya V. Goncharova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nauchka@mail.ru

Keywords: private library; history of Russian literature; chronicle; Aleksandr Nikitenko.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00443.

The article aims to actualize the heritage of Aleksandr Nikitenko, which is the synthesis of his diary and his private library as the laboratory of mental life, and to analyze the way Nikitenko considered Russian chronicles, as well as the degree of their influence on the professor's cultural and historical views. In the history of literature of the pre-revolutionary and Soviet times, Nikitenko was regarded mainly as the author of his diary, which for many years had been considered as the vital source of data of the Russian literature of the 1820s–1870s. At the same time, Nikitenko's research and official activities remained unfairly underestimated by the scholars of the past as being ordinary and unremarkable. Today, there appear studies that highly evaluate Nikitenko's activities in terms of the cultural-historical and aesthetic-literary context of the 19th century. For Nikitenko, the library became the basis on which he built his idea of the world aesthetic and philosophical thought. He formed his professional ideas under the conditions of the creation of Russian literary criticism, changes in the censorship regime, and the sharp change in the political position of the Russian government. Nikitenko compiled his private library while he was developing as a professor of literature at Saint Petersburg University, a critic of Russian literature, and a censor. The article proves that Nikitenko regarded the keeping of the diary and the compiling of the library through the concept of the chronicle. In the study, this concept is presented as a kind of a communicative model, which Nikitenko applied consciously to define himself as the chronicler of Russian literature. The study is based on the systematic method that combines library science and the history of literature for the analysis of various sections of the book collection, for the investigation of common elements in Nikitenko's diary and texts. Nikitenko's library contains publications of chronicles and historical documents, as well as research of historians, including that of his contemporaries whom Nikitenko knew personally. Nikitenko needed the chronicle material to create a new periodization of Russian literature, with its origins from chronicle sources. At that time, teaching was mostly based on Western doctrines, and the problem was to form a coherent idea of the course of Russian literary history. Nikitenko was one of the first to solve the issue of periodization in a historical way. He did not deal specifically with chronicles as a historian; he focused his interest on the ways historical figures were presented in literature, on the images of Nestor the Chronicler, Ivan the Terrible, and others. Collecting chronicles in his library, he used them as sources to investigate verbal expressions of the ideas and mental life of the Russian person rather than facts of the past. Nikitenko was developing his own concept of considering the history of Russian literature, which was delivered in the periodization he proposed, as well as in his articles and university lectures.

REFERENCES

1. Nikitenko, A.V. (1955) *Dnevnik: v trekh tomakh* [Diary: in three volumes]. Vol. 1. Leningrad: GIKhL.
2. Nikitenko, A.V. (2017) *Moya povest' o samom sebe i o tom, "chemu svidetel' v zhizni byl"* [My story about myself and about what "I witnessed in my life"]. In: Kivshenko, N.D. *Dnevnik sel'skoy uchitel'nitsy* [Diary of a rural teacher]. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya.
3. Efremov, P.A. (ed.) (1880) *Sochineniya A.S. Pushkina* [The works of A.S. Pushkin]. Vol. 2. St. Petersburg: Ya.A. Isakov.
4. Yastrebov, E.V. (1995) *Sto neizvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [One hundred unknown letters from Russian scientists and statesmen to Vasily Markovich Florinsky]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kolosova, G.I. (1998) *Avtografy I.A. Goncharova v biblioteke A.V. Nikitenko* [The autographs of I.A. Goncharov in the library of A.V. Nikitenko]. In: *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the history of the book collections of the Tomsk University library]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 43–49.
6. Kolosova, G.I. (2009) *A.V. Nikitenko i N.V. Gogol' (Po materialam biblioteki A. V. Nikitenko, khranyashcheysya v Nauchnoy biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [A.V. Nikitenko and N.V. Gogol' (Based on materials from the library of A.V. Nikitenko, stored in the Research Library of Tomsk State University)]. In: *N.V. Gogol': Materialy i issledovaniya* [N.V. Gogol: Materials and Research]. Vol. 2. Moscow: IWL RAS. pp. 90–107.
7. Institute of Russian Literature (Pushkin House). Manuscript Department. Fund: *A.V. Nikitenko*. Items 18105, 18140, 18323, 18227.
8. Mann, Yu.V. (1975) *Istoricheskoe napravlenie literaturovedcheskoy mysli (1830–1840 gody)* [Historical direction of literary thought (1830s–1840s)]. In: Bel'chikov, N.F. & Grishunin, A.L. (eds) *Vozniknovenie russkoy nauki o literature* [The emergence of Russian science of literature]. Moscow: Nauka pp. 298–332.
9. Nikitenko, A.V. (1845) *Opyt istorii russkoy literatury* [Experience in the history of Russian literature]. Book I. St. Petersburg: vo Frantsuzskoy tip.
10. Nestor. (1824) *Letopis' Nestorova po drevneyshemu spisku mnikha Lavrentiya. Izdanie professora Timkovskogo, preryvayushcheysya 1019 godom* [Chronicle of Nestor according to the most ancient document of monk Lavrentiy. Edition of Professor Timkovsky, ending with the year 1019]. Moscow: Universitet. tipogr.
11. Vovina-Lebedeva, V.G. (2011) *Izdanie i issledovanie russkikh letopisey v pervoy polovine XIX v. na fone evropeyskogo opyta* [Publication and research of Russian chronicles of the first half of the 19th century against the background of European experience]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Vestnik of Saint Petersburg University*. 4. pp. 3–12.
12. Belinskiy, V.G. (1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. IV. Moscow: USSR AS.

13. Nikitenko, A.V. (1833) "*O proiskhozhdenii i dukhe literatury*". *Vstupitel'naya leksiya* ["On the origin and spirit of literature." Introductory lecture]. St. Petersburg: tip. N. Grecha.
14. Shcherbatov, M.M. (ed.) (1769) *Tsarstvennaya kniga, to est' Letopisets tsarstvovaniya tsarya Ioanna Vasil'evicha, ot 7042 godu do 1761: Napechatan s pismennago, kotoroy syskan v Moskve v Patriarshey biblioteke* [The royal book, that is, the Chronicler of the reign of Tsar Ivan Vasilyevich, from 7042 to 1761: Printed from the manuscript found in Moscow in the Patriarchal Library]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
15. Makogonko, G.P. (1981) Iz istorii formirovaniya istorizma v russkoy literature [From the history of the formation of historicism in Russian literature]. In: Makonenko, G.P. (ed.) *XVIII vek. Sbornik 13. Problemy istorizma v russkoy literature. Konets XVIII – nachalo XIX v.* [The 18th century. Collection 13. Problems of historicism in Russian literature. The late 18th – early 19th centuries]. Leningrad: Nauka.
16. Cheshikhin-Vetrinskiy, M.E. (1894) Dva russkikh obshchestvennykh tipa [Two Russian social types]. *Novoe slovo*. 7–8. pp. 189–190.
17. Krasnov, G.V. & Shchemeleva, L.M. (1999) Nikitenko Aleksandr Vasil'evich. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli 1800–1917: biograficheskiy slovar'* [Russian writers of 1800–1917: biographical dictionary]. Vol. 4. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. p. 298.
18. Karpov, A.A. (2011) [Department of the History of Russian Literature, St. Petersburg State University: Epochs and Names (1819–1919)]. *Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya russkoy literatury: vzglyad iz Rossii – vzglyad iz zarubezh'ya* [Topical issues of studying and teaching Russian literature: a view from Russia – a view from abroad]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 7–9 October 2010. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 11–41. (In Russian).
19. Mann, Yu.V. (1968) Nikitenko. In: Surkov, A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Concise literary encyclopedia]. Vol. 5. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Received: 07 December 2020